

УДК 398.2(=161.1)
DOI 10.25587/SVFU.2022.63.34.005

А. А. Гриневиц
Институт филологии СО РАН

ФОЛЬКЛОРНЫЙ ПЕРСОНАЖ БАБУШКИН ВНУК: СПАСИТЕЛЬ ПО-ХАНТЫЙСКИ

Аннотация. В статье описывается персонаж хантыйского фольклора, фигурирующий в традиции в определенном сюжетном фонде и имеющий узнаваемый характер, но действующий под разными именами. Наиболее распространенным именем персонажа этого типа является Бабушкин Внук (*Ими Хицэ*). Цель данной статьи – очертить круг сходных сказочных и мифологических персонажей в хантыйском фольклоре, выявить их особенности, а также описать круг общих сюжетов, в которых данный персонаж действует. Благодаря использованию метода структурного анализа В. Я. Проппа, на основе 22 текстов на казымском, сынском, шеркальском, сургутском, ваховском, среднеобском, шурышкарском, приуральском, низямском диалектах хантыйского языка выявлены 6 сюжетных типов, в которых участвует данный персонаж: о взаимодействии с великаном (самый распространенный тип, который представлен несколькими разновидностями: о борьбе с антагонистом, о спасении антагониста, волшебные дары, о добыче невесты); об охоте на лося; о противостоянии с отцом; о неродном сыне; о мести за отца; о Небесном всаднике в загробном мире; анекдотические сюжеты. Очерчивается круг наиболее значимых мотивов, встречающихся в этих сюжетных типах: чудесное рождение, нарушение запрета, устранение недостачи. Особенностью хантыйского фольклора является отождествление сказочного и мифологического персонажей. Все упомянутые персонажи хантыйского фольклора распределены по разным функциональным сферам или жанрам: сказкам и мифам, которые в данном случае представляют собой две взаимосвязанные параллельные жанровые системы, отличающиеся степенью метафоризации излагаемых идей, а также, вероятно, ориентированные на разные категории слушателей, детей и посвященных взрослых. В заключении реконструируется обобщенный портрет и мифологическая история героя Бабушкин Внук, чья главная функция – быть защитником страждущих и силой, способной восстанавливать справедливость. Актуальность данного исследования заключается в использовании данных фольклора для реконструкции истории бесписьменных народов, к которым относятся ханты, для которых фольклор является одним из важнейших способов передачи культурной и исторической информации.

Ключевые слова: трикстер; Бабушкин Внук; сюжетный тип; хантыйский фольклор; сказочный мотив; волшебная сказка; миф; структурный анализ; этническая история; ханты.

А. А. Grinevich
Institute of Philology SB RAS

The folklore character of Grandmother's Grandson: Khanty savior

Absrtact. The article describes a character of Khanty folklore featured in tradition in a set of plots and recognizable by his temperament, but acting under different names. The most common name of a character of this

ГРИНЕВИЧ Анна Александровна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института филологии Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия. ORCID: 0000-0002-7607-8387.

E-mail: annazor@mail.ru

GRINEVICH Anna Alexandrovna – Candidate of Philological Sciences, Senior Researcher, Institute of Philology of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia. ORCID: 0000-0002-7607-8387.

E-mail: annazor@mail.ru

type is Grandmother's Grandson (Imi Hiły). The article aims at considering similar fairy-tale and myth characters in the Khanty folklore, revealing their specific and at describing common plots in which this character acts. Using structural analysis developed by V. Ya. Propp we revealed 6 types of plots in 22 texts in Kazym, Synya, Sherkaler, Surgut, Vakh, Middle-Ob, Shuryshkar, Priural, and Nizyam dialects of the Khanty language: about interaction with a giant (the most widespread type which is represented by several varieties: fight with antagonist, salvation of antagonist, magical gifts, about getting a bride); about hunting for a moose; about confrontation with a father; about a step-son; about revenge for a father; about a Heavenly Rider in the Subterranean World; anecdotal stories. The article describes the most significant motifs found in these plot types: a miraculous birth, violation of a prohibition, elimination of a shortfall. The identification of fairy tale and mythological characters is a trait of Khanty folklore. All the mentioned characters of Khanty folklore are dispensed to the different folklore genres: fairy tales and myths, which in this case represent two interconnected parallel genre system different in the degree of metaphorization of the ideas presented and also, probably, oriented at different categories of listeners, children and initiated adults. In conclusion, the generalized portrait and mythological story about the Grandmother's Grandson are reconstructed, whose main function is to be a defender of the suffering and a force capable to restore justice. The relevance of this study lies in the use of folklore data for the reconstruction of the history of non-literate peoples to which the Khanty belong, for whom folklore is one of the most important ways of transmitting cultural and historical information.

Keywords: trickster; Grandmother's Grandson; plot type; Khanty folklore; tale motif; fairy-tale; myth; structural analysis; ethnic history; Khanty.

Введение

В фольклоре хантов выявляется круг персонажей, связанных схожим характером и набором сюжетов, которые аккумулируются вокруг них. К таким персонажам можно отнести Ям Алие; Шамаш Ху; Тутпар-Хишпар; На Одной Ноге Стоящий Сын Золотая Морошка С Семейю Глазками; Гусиного Сора, Утиного Сора Внучек; Лиственничного Ствола Сын; Кемьяс, младший из трех братьев и др. Но самым частым именем, под которым персонаж фигурирует в сказочных сюжетах, – это *Ими Хи́лы* или Бабушкин Внук. Эти персонажи имеют общие черты: сиротство, чудесное рождение, способ действия, который предполагает ловкость и обман, что позволяет считать их персонажами-трикстерами. Все эти персонажи исполняют роль спасителя, восполняя недостачу, которая послужила основой сюжета. Статья основывается на предположении, что это именованного одного персонажа, который фигурирует в текстах под разными именами. Как будет показано далее, общность указанных персонажей подтверждается формальными признаками: общим сюжетным фондом, в котором они встречаются, типичным финалом, сходным характером и т. п. Далее в тексте все эти персонажи обобщенно будут именоваться Бабушкин Внук.

Материалом для исследования послужили 22 текста на казымском, сынском, шеркальском, сургутском, ваховском, среднеобском, шурышкарском, приуральском, низямском диалектах хантыйского языка. Диалекты представлены неравномерно. Наиболее полно в данном исследовании представлен казымский диалект: 5 текстов на амнинском, юильском, тегинском, верхне-казымском говорах. Следующим по распространенности данных сюжетов является шурышкарский диалект (4 текста). Остальные диалекты представлены одним–двумя текстами, записанными в одной локации. Однако это не означает, что данные сюжеты в казымской и шурышкарской традициях распространены шире. Более детальный анализ с привлечением максимально возможного круга источников поможет преодолеть этот дисбаланс. Важно заметить, что анализ касается именно сюжетов, а не только отдельных мотивов. В. Я. Пропп сформулировал этот признак как «закон последовательности» и считал, что, хотя «далеко не все сказки дают все функции», «последовательность функций всегда одинакова» [1, с. 21]. Наличие устойчивой последовательности мотивов может служить дополнительным признаком в обосновании родства различных традиций.

Данная статья открывает серию публикаций об общих сказочно-мифологических сюжетах в мировом фольклоре, объединенных вокруг персонажа, которого мы условно назвали Бабушкин Внук. Цель данной статьи – очертить круг сходных сказочных и мифологических персонажей в хантыйском фольклоре, выявить их особенности, а также описать круг общих сюжетов, в которых данный персонаж действует.

Сравнительно-исторический анализ

Описываемые сюжеты о Бабушкином Внуке можно проследить в южной половине Евразии, а также на территории Северной Америки, что укладывается в модель Ю. Е. Березкина «Деление Евразии на север и юг – вторая по значимости тенденция, которую показывает обработка эпизодов волшебной сказки» [2, с. 93]. Наиболее близкими традициями, в которых сходство обнаруживается на уровне жанровой системы, типов сюжетов и характера персонажа, являются фольклор манси, хантов, селькупов, кетов. Факт сходства сказочно-мифологического комплекса в этих традициях коррелирует с языковыми данными, согласно которым эта группа языков представляет собой территориально связанную языковую общность, «остяцкий» культурный ареал [3; 4]. У других ближайших соседей этих народов, ненцев, эти сюжеты размыты, представлены отдельными мотивами, не объединяются в единый цикл. Подобные сюжеты обнаруживаются также в фольклоре коми, бурят, алтайцев, якутов, нивхов. На территории Северной Америки эти сюжеты зафиксированы в фольклоре кроу, сенека и оджибва (по мере накопления материала список, вероятно, будет пополняться). Такая география распространения сюжета говорит о его древности, а американские параллели позволяют отнести его к древнейшему пласту фольклора, сформировавшемуся не позднее 16 тыс. до н. э. Архаичность персонажа подтверждает также один из сюжетов, который входит в цикл о Бабушкином Внуке, – охота на шестиногого лося и превращение охотника и добычи в звезды (Большую Медведицу). Изображения лося широко представлены среди наскальных рисунков Урала [5, с. 147]. Наиболее типичной композицией писаниц на реках Тагил, Реж, Нейва, Вишера, оз. Бол. Аллак является изображение комплекса из копытного животного, небосвода и солярного знака. В. Н. Чернецов датировал эти наскальные изображения периодом от конца неолита до средневековья и связывал с угорским населением, сохранявшим древнеуральские черты [6, с. 56–65]. Тем не менее, ареалы распространения культа лося и описываемых сюжетов не совпадают. Так, в представлениях народов, населяющих регион Берингово моря, ительменов, алеутов, с лосем ассоциируется созвездие Близнецов (Кастор и Поллукс), которое традицией объединяется сюжетом охоты в единый комплекс с созвездиями Большая Медведица и Рысь [7, с. 25]. У коряков диким оленем называют Большую Медведицу: «Изъ звѣздъ знаютъ большаго медвѣдя, котораго называютъ дикимъ оленемъ на ихъ языкѣ Елуе-кыингъ» [8, с. 160]. Однако на этих языках не зафиксировано сюжетов о Бабушкином Внуке. Не выявляется этот персонаж и сюжеты и у других народов Чукотки и Камчатки: эскимосов, чукчей, кереков [9]. Тем удивительнее увидеть следы героя Бабушкин Внук в фольклоре нивхов, причем сходство прослеживается не на уровне мотивов, что вполне может быть случайностью, но на уровне сюжетов.

Именования героя

Различные имена сказочных персонажей можно трактовать как эпитеты, характеризующие героя. Например, как неказистого, грязного героя характеризуют имена *Тутпар Хишпар* [10, № 7] досл. 'Обгорелый-Заплесневелый' [пер. автора], *Йӓм Ажис* [10, № 16] досл. 'Маленький Простачок' [пер. автора]. О чудесном рождении свидетельствуют имена *И Кӱр Элты Лойты Сорнэп Лапэт Мурэх Сем Пӧх* [10, № 11] досл. 'На Одной Ноге Стоящий Сын Золотая Морошка С Семью Глазками' [пер. автора] – имя персонажа, родившегося у женщины, которая съела морошку, *Наук Аукэл Пӧх* [10, № 8] досл. 'Лиственничного Ствола Сын' [пер. автора] – герой, найденный в стволе лиственницы, Мужчина Мось, Рожденный Из Колена Женщины [11, № 26, с. 90–93]. На божественный статус персонажа указывает имя *Лөнтэн Лор, Васэн Лор Хи́лъя́эжуки*

[10, № 5] досл. 'Гусиного Сора, Утиного Сора Внушек' [пер. автора]. Согласно космогоническому мифу, распространенному у хантов (а также у северных русских, карел, мордвы, мари, коми, манси, хантов, венгров, ненцев, энцев, нганасан, юкагиров, эвенков, нанайцев, якутов, долган, алтайцев, хакасов, бурят, кетов, калифорнийских пенути, западных моно, неветти, западных алгонкинов, сиу, арикара др.), водоплавающая утка считается творцом земли [12, с. 5–21], а миф о «ныряльщике» распространен в Сибири, Восточной Европе, Северной Америке и Южной Азии [13, с. 49–52]. Последний эпитет указывает на связь персонажа с этими мифологическими представлениями.

Хантыйская традиция сохранила связь сказочного персонажа Бабушкин Внук с образом божества *Мир Вантэ Хө* досл. 'За Миром Наблюдающий Человек', который в мифологии хантов именуется также *Ас Тый Ики* 'Покровитель Верховьев Оби'. В мифах он предстает как культурный герой, создавший землю, главный покровитель людей, младший сын верховного божества Торума. Его священное изображение – всадник на лошади с изогнутым мечом в руке. Особенностью обрядового фольклора хантов является использование эпитетов вместо имени божества. Поэтому он может называться также *Мось Хө* досл. 'Мужчина (из рода) Мось', *Вөн Ики* досл. 'Великий Господин', *Тови Ланки Вөтэт Хө*, *Сүс Ланки Вөтэт Хө* досл. 'Весеннюю Белку Посылающий (букв. дающий) Мужчина, Осеннюю Белку Посылающий (букв. дающий) Мужчина'. Н. В. Лукина приводит следующий список его именований: *Орт-лунк* «Князь-дух», *Орт-ики* «Князь-старик», *Мастерко*, *Ворт* «Господин, Князь, Герой», *Нум-сорни* «Верхний-золотой», *Сорни-орт* «Золотой князь», *Кон-ики* «Господин-старик», *Кантых-кан* «Хантыйский князь», *Торум-пах* «Торума сын», *Торум-тонх-ики* «Бог-дух-старик», *Эны-ики* «Большой старик», *Троитьс-ики* «Троицы-старик», *Пайрыхсы* (перевод неясен) [11, с. 18].

Таким образом, в анализ сюжетов о Бабушкином Внуке нами включены как сказочные, так и мифологические нарративы, которые имеют общие мотивы, и кроме того находятся в отношениях параллелизма.

Анализ сюжетных типов

На основе проанализированных текстов было выявлено 6 сюжетных типов (как сказочных, так и мифологических), в которых фигурирует персонаж Бабушкин Внук.

1. Сюжетный тип (сказочный) «Протагонист и великан». Эта группа сюжетов самая многочисленная и богатая подтипами. Н. А. Тучкова называет аналогичный сюжетный тип в селькупском фольклоре «Мальчик, победивший Людоеда» [14, с. 199]. Однако хантыйские сюжеты с антагонистом-великаном не обязательно предполагают борьбу, поэтому нами было выбрано нейтральное название. На данном этапе исследования выделяются три тематические разновидности этого сюжетного типа:

1.1. Протагонист борется и побеждает великана. К этому типу относятся тексты [10, № 4; 11, № 33, с. 132–133; 11, № 34, с. 134–136; 11, № 26, с. 90–93; 15, № 5а, с. 107–111; 15, № 5б, с. 112–115; 10, № 11]. По-видимому, этот тип сюжета, благодаря своей распространенности, может считаться основой повествований о Бабушкином Внуке. Герой попадает к лесному великану (мотивы нарушения запрета; липкая ловушка), который хочет его съесть. Обманув и убив детей антагониста, мальчик спасается из плена, залезает на дерево, оттуда сыпет противнику в рот кровь или пепел, от чего тот погибает. Мальчик возвращается к своей бабушке.

1.2. Протагонист спасает менка, вытаскивает его из болота [10, № 7].

1.3. Волшебные дары. Этот сюжет отличает мотив получения героем-бедняком волшебных даров от добрых лесных духов, которые наполняют его дом изобилием [10, № 5]. Дары забирает себе менк. Протагонист обманывает менка, приходит с ненаполняемым мешком и уносит все его имущество. Заметим, что менк тоже является лесным духом. В сказках он фигурирует как отрицательный персонаж. Однако согласно мифологическим представлениям, менки, а также ялы выполняют охранительную функцию.

1.4. Протагонист добывает жену себе и своим родственникам. В текстах [10, № 8; 11, № 32, с. 127–132] невеста – дочь великана менка, в тексте [15, № 3, с. 89–101] невеста – лебедь, которую ловит герой и берет себе в жены, великан похищает невест у протагониста и его братьев, протагонист всех спасает.

II. Сюжетный тип (мифологический) «Об охоте». Это мифологический сюжет об охоте на шестиногого лося. Протагонистом является герой в своей божественной ипостаси, его имена: Мось Хө, Младший Сын Бога, Крылатый Человек С Оби. Сюжет зафиксирован как в форме прозаического нарратива [11, № 8, с. 66–69], так и священной песни, которую исполняют на медвежьем празднике [16, № 27]. В варианте [11, № 9, с. 69] лось имеет только четыре ноги, а его скорость объясняется его молодостью.

III. Мифологический сюжетный тип «О противостоянии с отцом». Повествуется о небесном происхождении протагониста (он – младший сын небесного бога). Непослушный сын постоянно нарушает запреты отца, чем вызывает его гнев. Отец спускает героя на землю. Сюжет аналогичен мифу о появлении медведя на земле, который также считается младшим непослушным сыном Торума. Текст [11, № 11, с. 70–73] включает также мотив об огненном потопе. Герой защищает народ от мести своего отца верховного божества, наславшего на людей огненный потоп из ревности к сыну, которому люди начинают поклоняться охотнее.

IV.1. Сказочный сюжетный тип «Неродной сын». Герой – сын земной женщины, которая выходит замуж за богатыря. Рожденный ею сын не походит на земного отца. Родственники пробуют различные испытания, чтобы извести его: мотивы – протагонист в городе каменноглазых великанов, невеста без выкупа, горящий дом. Протагонист обращается за защитой к своему небесному отцу, преодолевает препятствия [11, № 27, с. 94–101].

IV.2. Сказочный сюжетный тип «Месть за отца». Герой, нарушив запрет, узнает, что его отец был убит. Он отправляется на поиски убийц, которыми оказываются великаны. Сюжетный тип имеет с предыдущим подтипом IV.1. ряд общих мотивов, касающихся испытаний героя. Сюжетный тип представлен текстом [11, № 35, с. 136–14].

V. Мифологический сюжетный тип «Небесный всадник в загробном мире». Протагонист по имени Купец Нижнего Света, Купец Верхнего Света (переосмысленный образ *Мир Ванитэ Хө*) теряет дорогу и попадает в мир мертвых. Там он встречает умершую дочь, которая вышла замуж за сына повелителя мира мертвых [11, № 30, с. 105–125].

VI. Сказочный тип анекдотического характера. К этому типу относится повествование о мнимоумершем племяннике [11, № 31, с. 125–127]. К анекдотическому типу относится мотив о том, как протагонист обманывает царя [15, № 4, с. 101–107]. В. Штейниц, записавший текст, отмечает, что он очень распространен и любим, и соотносит начало повествования с мотивом 1535 по указателю Aarne-Thompson «Бедный и богатый крестьянин».

Сходные сюжеты выявлены в фольклоре селькупов, территориально ближайшей этнической группы хантов. Циклизация в селькупской сказочной традиции происходит вокруг персонажа Итя [14; с. 17–23]. Тексты, которые у хантов разделены на две жанровые сферы обрядового и сказочного фольклора, объединены у селькупов в границах только сказочного фольклора. Однако есть свидетельство о том, что разделение на два образа и функционирование этого персонажа в двух фольклорных жанровых системах (сказочной и мифологической), возможно, существовало и в селькупском фольклоре. «Фигура Ыя (прародитель рода Кедровки) играла большую роль в религиозных представлениях селькупов, являясь трансформацией излюбленного селькупского героя-богатыря в мифическое божество – сына бога Нума. Анализ селькупского фольклора позволяет проследить эту трансформацию» [24, с. 88–107]. Обнаруживается у селькупов и мифологический сюжет об охоте на шестиногого лося (зап. Е. Д. Прокофьевой в 1926, 1927 гг.). Однако, по-видимому, в виде текста в настоящее время он не доступен, как замечает А. Н. Тучкова, в силу распространенного на момент записи научного подхода, не различающего фольклорную и устную информацию [14, с. 69].

Сказочные мотивы с персонажем Бабушкин Внук

Персонажи хантыйского фольклора из описываемого сказочного цикла имеют схожие черты – это бедняк, который живет с бабушкой (сестрой), либо один. То есть он сирота, которому, благодаря ловкости и везению, либо волшебной помощи, удастся достичь и материального благополучия, и высокого социального статуса. Статус его может стать настолько высок, что в финале персонаж превращается в божество, поднимается на небо, становится звездой и т. п.

Сказочных персонажей объединяет мотив чудесного рождения. Героя находят в стволе лиственницы [10, № 8], он рождается у старой бездетной женщины, съевшей золотую морошку [10, № 11], появляется из бабушкиного колена [11, № 26, с. 90–93]. В мифах же, напротив, у него есть и отец, Небесный бог Торум, и мать, жена Торума Калтась. Это объясняет сиротство персонажа в Среднем мире, сюжеты о котором распространены в сказках. Имея божественных отца и мать, воплощаясь в облике человека, он не имеет земных родителей, а воспитывается бабушкой и дедушкой (сестрой с братом). Мотив чудесного рождения подчеркивает инаковость, избранность героя. Появление божественного героя на земле описано в тексте [11, № 11, с. 70–73; 10, № 11]. Протагонист растет в небесном доме отца. Нарушая запрет ходить в дальнюю часть дома, он узнает, как живут внизу люди: они страдают от чудовищ менков и кулей. Мальчик хочет помочь. По просьбе отец спускает его вниз в железной колыбели, которая опускается на поляну с морошкой. Ягоду съедает женщина, у которой вечером рождается сын. Заметим, что земной матерью становится старая женщина, которая физиологически уже не может иметь детей. Согласно этому сюжету, сказочный персонаж *Ими Хи́лы* – это воплощение божества на земле, в Среднем мире.

Другой распространенный мотив, который встречается в нескольких сюжетных типах, – это нарушение запрета. В сказках герой нарушает запрет своей приемной матери, отправляясь за реку [10, № 4] или за дом [11, № 33, с. 132–133; 11, № 35, с. 136–141]. В мифах небесный отец запрещает герою заходить в дальнюю часть дома [10, № 11] и смотреть вниз на землю [11, № 11, с. 70–73]. Нарушив запрет, герой совершает свои подвиги.

Мотив спасителя фиксируется во всех повествованиях с данным персонажем (кроме анекдотических). Протагонист восстанавливает справедливость, спасая других персонажей от смерти, убивает, либо лишает обидчика несправедливо захваченного преимущества, разрушает его планы, возвращает собственность истинному владельцу. Поэтому финал нарративов о Бабушкином Внуке является показательным признаком, который позволяет сделать вывод, относится ли повествование к рассматриваемому циклу или нет.

Принцип симметрии – центральный для повествований о Бабушкином Внуке. Главная функция этого персонажа – восстанавливать справедливость, наказывать неправедных, помогать людям. Этот герой защищает справедливость на земле. Герой, найденный в стволе лиственницы, поет о себе: «*Тал хот ки уйтлэм, тэлэна вэрлэм. Тэлэн хот ки уйтлэм, тала вэрлэм*» [10, № 8] досл. ‘Если найду пустой дом, наполню его. Если найду полный дом, опустошу его’ [пер. автора]. Эту сущность главного героя можно описать как персонификацию силы, которая заставляет явления переходить в свою противоположность. Именно эта особенность позволяет называть данного персонажа трикстером, хотя он не всегда действует как плут. В анекдотах об *Ими Хи́лы*, напротив, плутовство – основная функция героя. Эта специфика, возможно, имеет более позднее происхождение.

Мотивы о восстановлении справедливости – характерная особенность финала, где герой устраняет недостачу, которая послужила основой сюжета. Если в начале повествования герой был бедным, то в конце при помощи волшебных даров становится богатым и благоденствует, а отнятое богатство возвращается истинному владельцу [10, № 5]. Если на селение нападает великан, Бабушкин Внук убивает его [10, № 4]. Своего обидчика он либо убивает [11, № 8, с. 66–69], либо разрушает его планы [11, № 11, с. 70–73]. В последнем примере в роли обидчика

выступает отец героя – верховное божество Торум. В сюжетах «Мсть за отца» герой расправляется с убийцами родителя [11, № 35, с. 136–141; 10, № 16].

В группе текстов на казымском диалекте выявляются устойчивые формулы, которые являются формальной особенностью финала: 1) Низкий герой становится божеством, он уходит в верховья Оби, ставит дом, в котором наполняет богатством три угла. Таким образом иносказательно сообщается о том, что он стал божеством. Четвертый угол должны наполнять ханты, то есть приносить ему жертву: *Хәләм пеләк хот суна́лпнты вой, верты войән та́хәрсәлзэ* [10, № 4] досл. ‘Три угла дома чёрным зверем, красным зверем завесил’ [пер. автора]. Речь идет о священном угле в хантыйском доме, который называется *мўл*, в нем хранятся различные священные предметы. 2) В финале герой помогает реинкарнировать своей бабушке. Пинком он отправляет ее на небо, после чего она возвращается маленькой девочкой: *Нух до́лмтәс, Хи́лзә ху́ци хөхләмтәс, Хи́лзә́н шө́ңхсәсы, ста́рү́н, пә́лзү́н веша а́лмийә́лса. И́лзә керима́н у́хи́ам русә́л и́лта та́лэсы́йә́лты ай е́виэ йу́вмә́л* [10, № 4] досл. ‘Вскочила, к Внуку подбежала, Внук её пнул, до ясного неба, до облачного неба поднялась. Когда опустилась, кисти от платка по полу тащатся – в маленькую девочку превратилась’ [пер. автора].

Параллелизм сказочной и мифологической систем

Все упомянутые персонажи хантыйского фольклора отнесены к разным фольклорным жанрам и, соответственно, к разным прагматическим сферам. Божество описывается в мифах или священных сказках (*йсмәу мо́ңыц*), а также священных песнях, исполняющихся во время медвежьего праздника (*миш ар*). Трикстер фигурирует в сказках (*мо́ңыц*). Такое же разделение зафиксировано в фольклоре манси. В актуальном фольклоре селькупов мы видим одного персонажа, который действует только в сказочных сюжетах. Форма сказки и мифа различаются по сфере их употребления и по степени метафоризации излагаемых идей. Сказки с этими сюжетами, скорее всего, могли относиться к сфере детского фольклора и носить развлекательный характер. Мифы же обычно имеют ограничения по своему исполнению, слушать их можно только посвященным людям. Мифологические сюжеты более серьезны, в них отсутствует развлекательный элемент.

Между хантыйскими мифами и сказочными нарративами наблюдается определенный параллелизм. Сравним наиболее показательный сюжет о борьбе с великаном и миф о погоне за лосем. В основе каждого сюжетного типа лежит мотив недостачи, нехватки чего-либо. В сказочном повествовании о Бабушкином Внуке городок подвергается постоянным нападениям великана, в мифологическом – герой хочет добыть шестиногого лося, который настолько быстрый, что люди не могут охотиться на него, поэтому не могут жить в достатке. В финале герой устраняет недостачу, устраивает жизнь страждущих людей к лучшему. В сказке протагонист убивает великана, в мифе он отрубает пару ног у лося, либо добывает его. Тем самым герой также устраняет недостачу и устраивает жизнь людей к лучшему.

Заключение

В фольклоре хантов выявлена группа персонажей, которая характеризуется общностью характера (бедняк, сирота и плут). Хотя часто персонаж именуется иносказательно, его наиболее употребимым именем является Бабушкин Внук (*Ими Хи́лзә*). Если рассмотреть сюжеты о Бабушкином Внуке в сопоставлении друг с другом, то вырисовывается обобщенный портрет этого персонажа, который фигурирует в двух функционально различных фольклорных сферах: сказочном и мифологическом фондах повествований. В качестве божества он живет у своего небесного отца Торума. На землю, в Средний мир он отправляется по собственному желанию, поскольку видит страдания людей, которые иносказательно представлены как нападения чудовищных великанов. Появление героя на земле связано с мотивом чудесного рождения, при этом всячески подчеркивается невозможность его рождения: он рождается у старой женщины нефизиологичным способом (зачатие происходит в результате взаимодействия женщины с каким-либо предметом, рождение происходит вскоре после зачатия и т. п.). Герой быстро растет, войдя в возраст, когда он может носить оружие, он получает от земных родителей лук и

стрелы и отправляется на борьбу с великаном. Выполнив свое предназначение, герой снова превращается в божество. Главной функцией Бабушкиного Внука является спасение страждущих, восстановление справедливости. Как защитник и покровитель людей он выступает и в мифах, согласно которым отводит гнев своего отца Верховного божества Торума от людей. Также герой помогает людям преодолеть их бедность и страдания, сделав возможной охоту на лося. Мотив восполнения недостачи – основной в финале повествований об этом герое.

Круг сюжетов, в которых действует данный персонаж, хорошо различим, в них повествуется о борьбе с великаном, о женитьбе, об охоте, о потопе, о волшебных дарах, о мести за смерть земного отца. Самой многочисленной группой являются сюжеты о борьбе с великаном менком. Именно по наличию антагониста-великана можно распознать этого героя.

Подобные рассказы, вероятно, призваны вселять в людей надежду, ведь даже самый бедный и неказистый герой может стать божеством.

Литература

1. Пропп В. Я. Морфология волшебной сказки. – Москва : Лабиринт, 1998. – 512 с.
2. Березкин Ю. Е. Сибирский фольклор и его соседи // Вестник Томского государственного университета. История. – 2020. – № 68. – С. 89–97.
3. Урманчиева А. Ю. Параллельное развитие хантыйского и селькупского в «остяцком» ареале // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. – 2019. – № 2 (24). – С. 85–101.
4. Хелимский Е. А. Очерк истории самодийских народов // Компаративистика, уралистика. Лекции и статьи / Е. А. Хелимский. – Москва : Языки русской культуры, 2000. – С. 26–40.
5. Перевалова Е. В. Северные ханты: этническая история. – Екатеринбург : УрО РАН, 2004. – 414 с.
6. Чернецов В. Н. Наскальные изображения Урала. – Москва : Наука, 1971. – 120 с. – (Свод археологических источников ; вып. В4-12(2)).
7. Богораз В. Г. Чукчи. Т. 2. Религия. – Ленинград : Главсевморпути, 1939. – 194 с.
8. Крашенинников С. Описание земли Камчатки. Т. 2. – Санкт-Петербург : Императорская Академия наук, 1755. – 319 с.
9. Сказки и мифы народов Чукотки и Камчатки / составление, предисловие и примечания Г. А. Меновщикова. – Москва : Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1974. – 646 с.
10. Мифы, предания, сказки хантов (рукопись тома из серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока»), подг. Лапиной М. А. // Архив сектора фольклора народов Сибири ИФЛ СО РАН.
11. Мифы, предания, сказки хантов и манси / составление, предисловие и примечания Н. В. Лукиной. – Москва : Наука, 1990. – 568 с.
12. Напольских В. В. Древнейшие финно-угорские мифы о возникновении земли // Мировоззрение финно-угорских народов / ответственный редактор И. Н. Гемуев. – Новосибирск : Наука, 1990. – С. 5–21.
13. Березкин Ю. Е. Миф о ныряльщике за землей в евразийских степях? // Древние и средневековые культуры Центральной Азии (становление, развитие и взаимодействие урбанизированных и скотоводческих обществ) : материалы Международной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения д. и. н. А. М. Мандельштама и 90-летию со дня рождения д. и. н. И. Н. Хлопина. – Санкт-Петербург : Институт истории материальной культуры РАН, 2020. – С. 49–52.
14. Тучкова Н. А. Этническая история и фольклор селькупов: проблема корреляции данных // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. – 2020. – Т. 40. – № 1–2. – С. 5–414.
15. Steinitz W. Ostjakologische Arbeiten. Ostjakische Volksdichtung und Erzählungen aus zwei Dialekten. Texte. № 5b. В. I. Berlin, 1975. – 468 с.
16. Медвежий праздник хантов (рукопись тома из серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока»), подг. Молдановым Т. А. // Архив сектора фольклора народов Сибири ИФЛ СО РАН. – 908 с.
17. Тучкова Н. А. «Эпос об Итте» у южных селькупов // Mikola-konferencia / редактор Б. Вагнер-Надь. – Сегед, Венгрия : Кафедра финноугроведения, 2004. – С. 95–113.

18. Тучкова Н. А. «Мальчик, победивший людоеда»: базовые сюжеты с героем Итя в селькупском фольклоре // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. – 2016. – № 4 (14). – С. 135–158.
19. Тучкова Н. А. Герой селькупского фольклора Итя женится: тексты с активной ролью невесты-волшебницы // Вестник ТГПУ. – 2015. – № 9 (162). – С. 255–261.
20. Тучкова Н. А. Указатель сюжетов с героем Итя: опыт классификации // Сибирский филологический журнал. – 2018. – № 1. – С. 57–76.
21. Тучкова Н. А. Фольклорные тексты с героем Итя в собрании А. И. Кузьминой // Вестник ТГПУ. – 2013. – № 2 (130). – С. 205–208.
22. Tutschkova Natalia, Wagner-Nagy Beáta. Texte über Itte, der über die sieben Götter der Weisheit verfügt. – Tomsk : Staatliche Universität Tomsk, 2015. – Teil 1. – 336 s. (На немецком и селькупском яз.)
23. Байдак А. В., Тучкова Н. А. Эпизоды «эпоса об Итте» в чумылькупском диалектном ареале // Коренные народы Сибири: проблемы историографии, истории, этнографии, лингвистики : материалы региональной научно-практической конференции (15 ноября 2022 г.) / под редакцией Л. Л. Селивановой. – Томск : Изд-во ТГАСУ, 2004. – С. 51–64.
24. Прокофьева Е. Д. К вопросу о социальной организации селькупов (род и фратрия) // Сибирский этнографический сборник. – Москва, Ленинград : АН СССР, 1952. – Т. 1. – С. 88–107.

References

1. Propp V. Ya. Morphology of the folktale. Moscow, Labirint Publ., 1998, 512 p. (In Rus.)
2. Berezkin Yu. E. Siberian folklore and its neighbors. *Tomsk State University Journal of History*. 2020, no. 68, pp. 89–97. (In Rus.)
3. Urmanchieva A. Yu. Parallel development of Khanty and Selkup in the “Ostyak” area. *Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology*. 2019, no. 2 (24), pp. 85–101. (In Rus.)
4. Helimsky E. A. Essays on the history of Samoyedic peoples. In: *Comparativism, Uralistics. Lectures and articles*. Moscow, Yazyki russkoi kultury Publ., 2000, pp. 26–40. (In Rus.)
5. Perevalova E. V. Northern Khanty: ethnic history. Ekaterinburg, Ural Branch of RAS Publ., 2004, 414 p. (In Rus.)
6. Chernetsov V. N. The Rock art images of the Urals. Moscow, Nauka Publ., 1971, 120 p. (Collection of archeological sources; iss. V4-12(2)). (In Rus.)
7. Bogoraz V. G. Chukchi. Vol. 2. Religion. Leningrad, Glavsevmorputi Publ., 1939, 194 p. (In Rus.)
8. Krasheninnikov S. Description of the land of Kamchatka. Vol. 2. Saint Petersburg, Imperial Academy of Sciences Publ., 1755, 319 p. (In Rus.)
9. Tales and myths of Chukotka and Kamchatka. Compilation, foreword and notes by G. A. Menovshchikov. Moscow, Main editorial office of Oriental literature Publ. House “Nauka”, 1974, 646 p. (In Rus.)
10. Myths, legends, tales of the Khanty (manuscript of the volume of the series “Monuments of folklore of the peoples of Siberia and the Far East”), edited by M. A. Lapina. In: *Archive of the Folklore Sector of Peoples of Siberia*, IFL SB RAS. (In Rus.)
11. Myths, legends, tales of Khanty and Mansi. Compilation, foreword and notes by N. V. Lukina. Moscow, Nauka Publ., 1990, 568 p. (In Rus.)
12. Napolskikh V. V. The most ancient Finno-Ugric myths of the Earth origin. In: *Worldview of Finno-Ugric peoples*. Executive editor I. N. Gemuev. Novosibirsk, Nauka Publ., 1990, pp. 5–21. (In Rus.)
13. Berezkin Yu. E. Myth about a diver behind the earth in the Eurasian steppes? In: *Ancient and medieval cultures of Central Asia (formation, development and interaction of urbanized and pastoral societies): proceedings of the International conference devoted to the 100th anniversary of Dr. A. M. Mandelstam and the 90th anniversary of Dr. I. N. Khlopin*. Saint Petersburg, Institute of history of material culture RAS Publ., 2020, pp. 49–52. (In Rus.)
14. Tuchkova N. A. Ethnic history and folklore of Selkups: the problem of data correlation. In: *Proceedings of the Society of archaeology, history and ethnography at Kazan University*. 2020, vol. 40, no. 1–2, pp. 5–414. (In Rus.)
15. Steinitz W. Ostjakologische Arbeiten. Ostjakische Volksdichtung und Erzählungen aus zwei Dialekten. Texte. No. 5b. B. I. Berlin, 1975, 468 p. (In German)

16. Khanty bear ceremony (manuscript of the volume from the series “Monuments of folklore of the peoples of Siberia and the Far East”), prepared by T. A. Moldanov. In: Archives of the Folklore Sector of the Siberian Peoples of the IFL SB RAS. 908 p. (In Rus.)
17. Tuchkova N. A. “Epic about Itte” at the Southern Selkups. In: Mikola-konferencia. Edited by B. Wagner-Nagy. Szeged, SzTE Department of Finnougristics Publ., 2004, pp. 95–113. (In Rus.)
18. Tuchkova N. A. “The boy who defeated the ogre”: basic stories with the hero Itta in Selkup folklore. *Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology*. 2016, no. 4 (14), pp. 135–158. (In Rus.)
19. Tuchkova N. A. The hero of Selkup folklore Itya marries: texts with the active role of the bride-woman. *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*. 2015, no. 9 (162), pp. 255–261. (In Rus.)
20. Tuchkova N. A. Index of stories with the hero Itya: the experience of classification. *Siberian Philological Journal*. 2018, no. 1, pp. 57–76. (In Rus.)
21. Tuchkova N. A. Folklore texts with the hero Itya in the collection of A. I. Kuzmina. *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*. 2013, no. 2 (130), pp. 205–208. (In Rus.)
22. Tuchkova N. A., Wagner-Nagy B. “The seven gods with the wisdom of Ittya”. Texts with the hero Itte in Selkup folklore. Part 1. Ittya-texts. Tomsk, Publ. House of Tomsk State University, 2015, 336 p. (In German and Selkup)
23. Baidak A. V., Tuchkova N. A. Episodes of the “Epic about Itte” in the Chumylkup dialectal area. In: Indigenous peoples of Siberia: problems of historiography, history, ethnography, linguistics: materials of a regional scientific and practical conference (November 15, 2022). Edited by L. L. Selivanova. Tomsk, Publ. House of TSAGU, 2004, pp. 51–64. (In Rus.)
24. Prokofieva E. D. To a question on social organization of Selkups (clan and fraternity). In: Siberian ethnographic digest. Moscow, Leningrad, USSR Academy of Sciences Publ., 1952, vol. 1, pp. 88–107. (In Rus.)